

ЛИНГВОТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ  
ОСОБЕННОСТИ ЛЕТОПИСАНИЯ  
НА РУССКОМ СЕВЕРЕ В XVI–XVII вв.  
(на материале «Пинежского летописца»)

Анастасия Мешкова  
(Санкт-Петербург)

Первая половина XVII в. является завершающим периодом в развитии летописного жанра. Формирование новых принципов летописания во многом связано с резкими общественно-политическими изменениями в Российском государстве. Основные каноны при этом, безусловно, сохраняются, однако в языке летописи иногда начинает проявляться личность автора, и одна из задач исследования — показать на материале памятника XVI–XVII вв. «Пинежский летописец», как это происходит в провинциальных летописях Русского Севера. Местом создания памятника является Пинежье, т. е. бассейн реки Пинеги (Архангельская область).

На сегодняшний день известно четыре списка «Пинежского летописца», которые делятся на две редакции. Два списка представляют собой полный завершённый летописный текст, от других двух сохранились только отрывки. Сначала обратимся к спискам, которые сохранились полностью. Один из них <далее — ПЛ II> входит в состав рукописи, обнаруженной в 1969 г. диалектологической экспедицией Ленинградского университета; он хранится в Пушкинском Доме (издан в 1972 г.). Другой список <далее — ПЛ I> входит в состав рукописи, хранящейся в сборнике ГИМ в Москве (Муз. № 3996).

Можно утверждать, что одна из редакций «Пинежского летописца» находилась в библиотеке пинежан Поповых (в рукописи с ПЛ II есть указание — «Сея книга Антонка да Стенки Федоровых детей Поповых Кеврольского стана»). Это одна из самых крупных крестьянских семейных библиотек той местности. Рукопись относится к числу самых ранних сборников, переписанных в семье. Библиотека Поповых насчитывает около пяти десятков самых разных по содержанию книг и столько же, если не больше,

различных деловых бумаг XVI–XIX вв. Как отмечает Н. В. Савельева, Поповы стали собирать книги с начала XVII в. Первоначально это было собрание книг, принадлежащих деревенскому священнику, а примерно с середины XVII в. стало родовой библиотекой крестьян. Поэтому в ее состав стали входить книги не только религиозного характера [Савельева 1994: 274]. С XVII в. книги появляются в частном владении пинежан, начинает складываться понятие «родовая книга», то есть переходящая по наследству от отца к сыну. Так передавались и обе рукописи с «Пинежским летописцем» [Савельева 2003: 13–14].

По записям в двух сборниках можно проследить историю их хранения. Так, в начале рукописи ПЛ II говорится: «170 году марта в 20 день продал Нехорошко сыну Федору, а взял восемь алтын» [ПЛ II: 40]. Это значит, что 20 марта 1662 г. рукопись перешла от отца к сыну. По предположению А. И. Копанева, Федор, который впоследствии передал рукопись своим детям, получил ее с утраченными листами и восстановил их по рукописи своей сестры Марьи. Эта рукопись хранится в ГИМе. На одном из листов рукописи есть запись XVII в.: «Сия книга глаголемая Марьи Нехорошко дочери, Оврамовской жене Тораканова» [ПЛ I: 239 об.].

Перед нами, таким образом, две редакции памятника, причем наиболее полной, следовательно, первой по времени является редакция ПЛ I. в сб. ГИМ. Составитель «Пинежского летописца» в сб. Пушкинского Дома (ПЛ II) вносил в текст сознательную правку, сокращая многие фрагменты, меняя даты и имена (т. к., возможно, некоторые события описывал по памяти), а также продолжил летопись на 30 лет (повествование в I редакции доводится до 1583г., во II — до 1611) [Копанев: 57–65].

Сокращая первую редакцию рукописи, составитель «Летописца» II редакции делал текст более простым и понятным, но иногда изложение носило конспективный характер. Так, в ПЛ II опущено встречающееся в ПЛ I летописное повествование о низвержении идолов в Киеве:

И пришед ко Киеву и зби и сокруши вся идолы и поруга на Хорса и бога Мосгоша и Аполоса идола, его же Скотия имяноваху бога, повеле в Почайку реку, воврещи, Перуна же бога повеле привязати к коневу ко хвосту и влещи з горы поборичеву наручай, и слуги приставити, и бити жезлием кумиры, и Перуна поверже в Днепр реку,

и проплы сквозь пороги и изве же ветром || на брег и ста горой. И оттоле прослы Перуна гора [ПЛ I: 168].

Подобный текст встречается уже в проложном житии князя Владимира, сохранившемся в рукописях XV–XVI вв., но, судя по всему, имеет более древнее происхождение. Внимание в этом фрагменте привлекают имена языческих богов из пантеона Владимира: Хорс, Перун, Аполос, Макошь. Составитель I редакции передает имя бога Мокоша (богини Макоши — в летописях есть оба варианта) с искажением. Лексема «Мосгош» в летописях отсутствует и не указана в словарях. Мокошь в восточнославянской традиции — единственный женский персонаж Владимирова пантеона. При перечислении и изображении богов она замыкает список [Иванов, Топоров: 178]. Заметим, что в ПЛ I имя богини Мокошь находится в середине, а не в конце. Возможно несколько объяснений этого факта: 1. такая же последовательность имен представлена в тексте источника; 2. или автор ПЛ I мог переписывать текст по памяти, либо просто не придать значения «канонической» последовательности, что допустимо, учитывая провинциальный характер летописи.

В сообщении о принятии Иваном Грозным Судебника в 1500 г. заметны следы намеренной правки. В данном документе описываются судебные процедуры, уголовные преступления и нормы гражданского права, дублирующие некоторые статьи Судебника 1497 г. В ПЛ II это сообщение относится к Русскому Северу, т. к. именно там впервые появились земские судьи [Копанев: 62]. Приведем пример сопоставления текстов «Летописцев» (см. таблицу 1).

Таблица 1

Редакция ПЛ I	Редакция ПЛ II
В лето 7058 году царь з боляры государь великий князь Иван Васильевич Всеа Русии своею з братею, и с князи, и с боляры, и с вельможы московскими и всеа Русии уложыл Судебник, како судити боляром, и околничем, и дворяцким, и казначеем, и дьякам великим, и судиям прика зным людем, и по городом наместникам, и по волостем волостелителем, и тиунам, и всяким судьям [ПЛ I: 257 об.–258].	Лета 7058 царь и великий князь Иван Васильевич всея Русии своею братею и з боляры уложили Судебник, как судить бояром, и дьяком, и казначеем, и дворецким, и земским судьям [ПЛ II: 60 об.–61].

В качестве источника составитель ПЛ I, скорее всего, использовал один из списков Царского судебника. Ср. текст Судебника 1550 г.: «Лета 7000 пятьдесят осьмаго июня... царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии с своею братьею и з бояры сесь Судебник уложил: как судити бояром, и околничим, и дворецким, и казначеем, и дьяком, и всяким приказным людем, и по городом наместником, и по волостем волостелем, и тиуном и всяким судьям» [Российское законодательство: 97].

Один из самых показательных случаев намеренного сокращения текста П редакции или искажения вследствие составления по памяти — «Сказание о начале Москвы». Это народное предание о боярине Кучке — первом владельце московских земель — появилось в XVI–XVII вв., что соответствует времени создания «Летописца». Действующие лица в варианте «Сказания», приведенном в ПЛ II, иные. Как отмечает М. А. Салмина, «место князя Андрея Александровича занимает князь Даниил Александрович. Даниил, сын Александра Невского, княжит во Владимире, в Суздале же на княжении оказывается некий князь Борис Александрович, названный братом Даниила. Вместо Улиты в повести действует княгиня Марья, “жена Борисова”» [Салмина: 317]. Повествование в ПЛ II более короткое. В нем опускаются развернутые характеристики, бранные, оценочные высказывания. Это говорит не только о том, что составитель памятника излагал события по памяти, но и, возможно, пользовался другим источником. С другой стороны, употребление бранных выражений в таком контексте в ПЛ I говорит о проявлении индивидуально-авторских особенностей. Предполагается, что составителем первой редакции «Летописца» был деревенский священник. Вероятно, в этом фрагменте (см. таблицу 2) автор ПЛ I выразил свое собственное отношение к происходящему, и, как представитель церкви, высказал свое негодование по поводу поведения княгини Улиты (сопоставление отрывков текстов см. в таблице 2).

Текстовые особенности такого рода характерны для сложившегося в конце XVI – нач. XVII в. нового типа провинциального летописания, где повествование уже не претендует на максимальную объективность, и в летописи можно проследить непосредственно мнение автора. В таком явлении отражается само отношение к летописному жанру. Раньше главной задачей летописца было максимально точно и достоверно передать текст источни-

ка (поэтому многие ранние тексты древнерусской литературы практически без изменений сохранились и в поздних списках). На завершающей стадии развития летописного жанра в XVII в., когда летописание приобретает провинциальный характер, летописцы становятся более избирательными в изображении событий. Так, события общерусского характера, никак не связанные непосредственно с родиной автора летописи, могли заменяться фактами местной истории, дополняться сведениями о местных святых и юродивых, а также произведениями, не относящимися к летописному жанру (рассказами, повестями, сказаниями).

Таблица 2

Редакция ПЛ I	Редакция ПЛ II
<p>И почему было Москве царством быть, и хто то знал, что Москве господством слыть. Были тут по Москве реке села красные хорошы боярина Кучка Стефана Ивановича &lt;...&gt;</p> <p>Тако ж и та бляд Улитка своего чрева блудныя, скверныя похоти, несытовство власть на един час во бескорывство приим не токмо небеснаго царства отринувся, но и сего света власть и злато, и сребро, и ризы многоаценныя отринув, но возлюби скверность, блудную похоть, чреву несытость возляже с теми наложники на един час сласть возлюби всю земную, красоту забыв, а стала ино, аки ад изблева похоть скверную вылья, невеста готовице Окаянному Святополку во дне адове от Сотоны дьявола закон приемлют во веки мучение му  жа</p> <p>&lt;...&gt; своего изгубих своими наложники, аки сотона со двема дьяволы [ПЛ I: 195 об.– 196].</p>	<p>Лета 6786 Москве зачатъе. Хто то знал, что Москве царством быть и государством слыть. Тут были села Красные Кучка боярина Ивановича &lt;...&gt;</p> <p>И Борисова книгагня Марья прелстилася на красоту их хорошую, и зжилая с ними любовию постелничной [ПЛ II: 45–46 об.].</p>

Допущенные составителем ПЛ II ошибки в повествовании о начале Москвы дают основания предполагать, что список II редакции был использован при составлении еще одного сборника, который хранится в Российской национальной библиотеке. Текст «Сказания о зачатии Московском», содержащийся в сборнике из фондов РНБ, почти полностью совпадает с аналогичным фрагментом в ПЛ II. Однако в списке РНБ «Сказание» приведено не полностью. Оно обрывается на середине фразы в конце листа: «И почивает князь Данило в Красных Кучковых селах до утра, а на утро встает на восходе солнца, и входит во светлицы и в теремы высокие, и смотрит на Кучковы села Красные по обе стороны Москвы реки и за Неглинную, и в поля чистые, и князю Данилу села Красные по обе...» [ГПБ: 279 об.].

Скорее всего, в летописном сборнике РНБ были утеряны листы с окончанием «Сказания», где, предположительно, излагались сведения о событиях, относящиеся к времени правления Ивана Грозного. Повествование о них продолжается на л. 280. Помимо «Сказания о начале Москвы», в сборнике РНБ содержится повесть о купце Харитоне Белоулине.

Прямых указаний на местность, в которой был составлен сборник, в рукописи нет. Однако по косвенным данным можно предположить, что он так же, как и ПЛ II, был создан на Русском Севере, в Поморье. Об этом свидетельствуют записи читателей из различных деревень той местности. Например, на полях л. 250 читаем: «В 1896 мая 21го читал сию книгу крестьянин села Ковды <нрзб> Михаил Пивоев» [ПЛ I: 250].

Составитель ПЛ II редакции постоянно допускает неточности в датах и повествовании о многих исторических событиях, о которых, вероятно, имеет смутное представление. Вместе с тем П II редакция памятника оказывается ценной благодаря уникальным сведениям, относящимся к Пинеге и Поморью, а именно:

1. Сказание о чудотворце Артемии Веркольском, которого до сих пор чтят на Пинеге:

Лета 7041 родися святыи праведный Артемий, юже бе на Пинеги веркольский чудотворец, отец у него Козьма рекомый Мальи, мати Поллинярия. И бысть Артемий 12 лет, и делая у отца труды своими землю оря и боронити нача, и божиим судом взоиде туча и гром страшный, и молния и гром гряну страшный, Артемий же || ужасеся от того страшного грома и предасть душу свою господеву. Тело ж

его положено на пустее месте одаль церкви, иж бе под сосной, и мощи его святыя обретены по преставлении его 33 летех. Лета 7085 обречение честных мощей святого преподобнаго стратотерпца Артемия веколского чудотворца, и принесении быша ко церкви святого Николы. || Бог же дарова ему чудотворныя дары, болныя и недужныя исцеляти, от трясавиц избавляти, нечистыя духи от человек и от скот отгонити и бесы прогонять [ПЛ II: 59 об.—60]. (Дата обречения мощей — правильная).

Житие Артемия Веркольского было составлено по повелению новгородского митрополита Макария. Самый древний список, который дошел до нас, повествует о 53 чудесах. Преимущественно это рассказы об исцелении жителей самых разных областей Русского Севера. В ПЛ II упомянуто только одно чудо (обречение мощей). Очевидно, что составитель последнего памятника либо намеренно сокращал текст первоисточника, либо не имел достаточных сведений о нем. Может быть, ко времени создания «Летописца» сказания о чудесах Артемия еще не сложились окончательно. Подобные повествования основывались на устных народных преданиях, в которых запечатлены и мировоззрение человека той поры, и черты быта, и семейные отношения. Ценность такого рода рассказов в том, что они дают богатый материал для решения ряда вопросов, касающихся истории словесного искусства, — устного и книжно-литературного [Дмитриев: 259].

2. Рассказ о походе Пинежан в Мангазею: «Лета 7105 году Юрье Долгушин устьцьлемец да пан литовской полоненик да Смирной пинежанин лавелец мунгазею проведали Надым реку, а на другой год Таз реку. А воевода 1<-й. — А. М.> в Мунгазеи Мирон Шоховской» [ПЛ II: 76 об.]. В рассказе упомянут «пинежанин лавелец», житель деревни Лавела. Заметим, что в тексте памятника назван реальный топоним — деревня Лавела, существующая по сей день, что подтверждает достоверность летописного источника.

3. Рассказ о бедствиях в Поморье: «В то время гневом || божиим омрачи бог небо облаки и дождь поляися на земли, и залило хлеб на нивах и траву, а в Поморие безмерным мразом во всю вселенную изьябл» [ПЛ II: 82].

«Пинежский летописец» — мало изученный памятник. Об его редакции представляют для исследователя интерес с точки зрения изучения их текстологии и истории создания. Особое

внимание следует обратить на лексический состав и синтаксические особенности текстов.

В XVII в. на Русском Севере начинает складываться новый тип летописания. Оно приобретает провинциальный характер. В летописях постепенно проявляются индивидуально-авторские черты, отражается национальное самосознание, начинают появляться сведения, непосредственно относящиеся к той местности, где был создан памятник. Наличие перечисленных особенностей в «Пинежском летописце» позволяет отнести его к числу летописей нового типа. Кроме того, в данном памятнике отразилась и специфика формирования пинежской книжно-летописной традиции, которая является важной составляющей летописания Русского Севера.

Как отмечает А. И. Копанев, II редакция летописца имела несколько источников:

1. «Летописец» первоначальной редакции (ПЛ I);
2. Житие царя Федора, составленное патриархом Иовом;
3. «Сказание Авраамия Палицына»;
4. Местные сказания о пинежских святых и о походах пинежан [Копанев: 64–65].

Одним из наиболее важных источников ПЛ II является «Сказание Авраамия Палицына». Описывая события с воцарения Федора Ивановича до борьбы Минина и Пожарского с польско-литовскими интервентами, составитель ПЛ II опирается на «Сказание» и заимствует оттуда большую часть текста. Основной почерк ПЛ II и его текстологические отличия от «Сказания» дают возможность судить об авторе «Пинежского летописца», о той социальной среде, к которой принадлежал автор, а также о лексических особенностях исследуемого памятника. «Сказание Авраамия Палицына» — одно из самых известных литературных произведений конца XVI – начала XVII в., и, вероятно, уже тогда существовало большое количество списков «Сказания». Не исключено, что один или несколько из них находились в библиотеке Поповых. Предположение, согласно которому автор «Летописца» мог воспроизводить некоторые части «Сказания» по памяти, исключено, поскольку обнаруживается абсолютное совпадение фрагментов обоих памятников. Автор ПЛ II использует «Сказание» для описания событий Смутного времени. Вероятно, живя вдалеке от Москвы, в волости Марьиной Горы на р. Пинеге, ав-

тор «Летописца» не знал многих подробностей и поэтому обратился к авторитетному литературному источнику того времени.

Ко второй редакции «Пинежского летописца» относятся несколько листов рукописи, хранящейся в РНБ (НСРК 096). Помимо богослужебных текстов, в ней встречаются фрагменты, практически полностью совпадающие с текстом исследуемого памятника. В сборник входит часть повести о купце Белоулине, сказание «о Сибирском взятии» и рассказ об осаде Троице-Сергиева монастыря из «Сказания Авраамия Палицына».

Учитывая характер повествования и последовательность изложения событий в ПЛ II, исследователи предлагают отнести памятник к типу краткой степенной книги, где материал расположен по княжениям, и в каждом периоде названы духовные лица. Обе редакции включают рассказы о жизни святых и юродивых, о чудесах. Выбор такой формы изложения и внимание к героям духовной литературы позволяет предположить, что составителем ПЛ I был служитель приходской церкви. Об этом же свидетельствует событийное наполнение текста I редакции, в которой встречаются повествования «о соборах», «соборы», «о еретиках», сведения о различных митрополитах и священниках. На это косвенно указывает и тот факт, что библиотека пинежан Поповых первоначально принадлежала деревенскому священнику. Перечисленные особенности свидетельствуют о проявлении в тексте хроники XVI–XVII вв. личности автора, что было нехарактерно для более ранних летописных памятников.

В XVII в. летописный жанр постепенно утрачивает свою официальность. Это означает, что он распространяется по областям и приобретает провинциальный характер. В процессе становления литературы Нового времени возникают местные традиции летописания. В этот период возникают отдельные областные литературные центры. Это явление связано с общими процессами демократизации русской культуры и литературы, которая обогащается новыми идеями и темами. Благодаря представителям демократической струи в русскую словесность проникали сведения о жизни и быте всех слоев общества. Изменения эти коснулись и летописания. Поскольку в XVII в. в связи с распространением грамотности в крестьянской среде все чаще встречаются случаи переписывания книг, то в летописных текстах отражается и жизнь низших слоев общества. Новые черты, характерные для поздних летопис-

сей, особенно ярко проявились в провинциальном летописании конца XVI–XVII вв. Специфику провинциальных летописей описал А. Н. Насонов: «Общерусские провинциальные своды являются местными по окраске и общерусскими по составу материала» [Насонов: 345]. К числу общерусских провинциальных летописей относится и «Пинежский летописец» XVII в., который создавался в период формирования на Пинеге местной книжно-рукописной традиции. Долгое время летописными центрами оставались монастыри. Однако постепенно они утрачивали монополию в связи с проникновением книг в крестьянскую среду. Наряду с книгами церковными — монастырскими, появляются «книжные центры» другого типа — то, что мы иначе называем местной книжно-рукописной традицией [Савельева 1994: 269]. Таким образом, на Пинеге в крестьянских домах начинают постепенно создаваться семейные библиотеки. В одной из них и сохранился исследуемый памятник.

«Пинежский летописец» отмечен основными особенностями провинциальной летописной традиции. Содержащиеся в нем сведения о месте его создания и разночтения с другими источниками позволяют говорить о нем как о ценном памятнике, созданном в русле новой традиции летописания на Русском Севере.

## ЛИТЕРАТУРА

- ГПБ: Сказание о зачатии Московском // ОР РНБ. Сборник исторического содержания. ГПБ Q. XVII. 252.
- Дмитриев: *Дмитриев Л. А.* Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Л., 1973.
- Иванов, Топоров: *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* К реконструкции Мокоши как женского персонажа в славянской версии основного мифа // Балто-славянские исследования. М., 1982.
- Копанев: *Копанев А. И.* Пинежский летописец XVII в. // Рукописное наследие Древней Руси. Л., 1972.
- Насонов: *Насонов А. Н.* История русского летописания XI – нач. XVIII в. М., 1969.
- ПЛ I: Пинежский летописец // ГИМ. Муз. № 3996. Л. 160–273.
- ПЛ II: Пинежское собрание ИРЛИ РАН. № 440. Л. 39–39 об., 37–38 об., 10–29 об., 40–122 об. (листы указаны в том порядке, в каком они должны идти — см. [Копанев: 57]).

- Российское законодательство: Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985.
- Савельева 1994: *Савельева Н. В.* Библиотека пинежан Поповых // Книжные центры Древней Руси XVII в. Разные аспекты исследования. СПб., 1994.
- Савельева 2003: *Савельева Н. В.* Очерк истории формирования Пинежской книжно-рукописной традиции // Пинежская книжно-рукописная традиция XVI – нач. XX в. СПб., 2003. Т. 1.
- Салмина: *Салмина М. А.* Особая редакция «Сказания о начале Москвы» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 316–321.